

Н.В. КОЧУРОВА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.3(Тургенев И.С.)
ББК ШЗ3(2Рос=Рус)-8,44

ПОЭТИКА СЮЖЕТА ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА («НОВЬ»)

Аннотация. Рассматривается соотношение нескольких сюжетных линий и уровней конфликта в романе «Новь» (между представителями государственной идеологии и народниками, внутри народнической среды, между народниками и народом, внутренние противоречия героя). Акцентируется централизующая роль образов Нежданова и Соломина. Движение романного сюжета в большей степени определяется неразрешимым внутренним конфликтом Нежданова.

Ключевые слова: сюжет, роман, конфликт, Тургенев, «Новь».

В известном труде «Человек в романах И.С. Тургенева» В.М. Маркович солидарен с теми исследователями, которые «сходятся на том, что после “Отцов и детей” оформляется новый тип тургеневского романа, основанный на несвойственных ему прежде структурных законах»¹. Но по сей день в тургеневедении остается открытым вопрос о своеобразии конфликта и сюжетостроения «Нови». Очевидно, что советское литературоведение обращало внимание лишь на внешний уровень конфликта романа «Новь»: развитие действия «отражает... весь ход “хождения в народ”»²; особое значение приобретает «роль диалога», «социальная проблематика» которого и помогает понять специфику социально-идеологического конфликта в романе³; в романе развиваются «два больших социальных конфликта»: между народниками и народом, между народниками и правящей верхушкой⁴.

Действительно, социально-политическая проблематика имеет место и лежит на поверхности текста «Нови». Например, это прослеживается в образе камер-юнкера Семена Петровича Каломейцева, который не скрывает своего презрения к разночинцам, называя Нежданова

¹ Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева. Л. : ЛГУ, 1975. С. 6.

² Петров С.М. И.С. Тургенев: Творческий путь. М. : Худож. лит., 1979. С. 536.

³ Бонеецкий К. Роман Тургенева «Новь» в идейной борьбе 70-х годов // Тургенев И.С. Новь. М. : Худож. лит., 1959. С. 306-307.

⁴ См.: Буданова Н.Ф. Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л. : Наука, 1983. С. 44-45; Лебедев Ю.В. Тургенев. М. : Молодая гвардия, 1990. С. 531.

«студентиком»⁵, «красным» [188], Соломина – «Le vagabond» (бродягой), а революционеров – «бандой» [353]. Его раздражает свободолюбие разночинцев: возмущает, что Нежданов «никогда первый не кланяется» [188], а Соломин «целый час говорил» с Сипягиным «и ни разу, ни разу не сказал ему: ваше превосходительство» [280]. «Великосветский чиновник» ругает современную литературу: «... в ней какие-то разночинцы фигурируют. Дошли, наконец, до того, что героиня романа – кухарка, простая кухарка...» [164]. Он «имеет страхи насчет эмансипации», боится «доморощенных нигилистов и социалистов» [215]. Главный его принцип – принцип «кнута», «узды»: «... он изъявлял желание раздробить, превратить в прах всех тех, которые сопротивляются – чему бы и кому бы то ни было!» [215].

Представитель власти Сипягин представляет себя человеком «убеждений либеральных, прогрессивных» [150], проповедует идею свободы и уважения личности, говорит о «благотельных реформах» и о «промышленном веке» [279], даже приглашает к себе в дом разночинца Соломина, выслушивая его неллицеприятные суждения о превращении дворян в чиновников, «помещиков-ростовщиков», бессовестно грабящих собственный народ [279], приглашает «красного» молодого человека в качестве учителя для своего сына. Но жесты, действия, поступки разоблачают мнимый либерализм чиновника: он лишь играет роль прогрессивного либерала, подстраиваясь к изменениям, происходящим в современном обществе. «Позеркой», «комедианткой» в глазах Марианны предстает и Сипягина. Очень скоро маска доброжелательности спадет и откроет настоящее лицо Сипягиных: чиновник увидит в Соломине уже просто «плебея», Нежданов покажется ему «положительно слишком красным» [263], Валентина Михайловна выразит Марианне свое недовольство ее свиданиями «с молодым человеком, который и по рождению, и по воспитанию, и по общественному положению стоит слишком низко» [296].

Театрализованность жизни высшего света подчеркнута образами духов и грима: сопровождающий Сипягина запах духов; «розовые, чуть-чуть разрисованные губы» и «раздушенный иланг-илангом батистовый платок» Валентины Михайловны; «сильно напوماженный и завитой» Коля [160], раздушенные усы губернатора. Атмосфера фальши в аристократической среде поддерживается мотивом игры в карты, постоянным занятием обитателей усадьбы Сипягиных.

⁵ Здесь и далее цит. по: *Тургенев И.С. Новь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 9: Сочинения. С. 174 (с указанием страницы в тексте статьи).*

А.А. Фирсова замечает, что «в продолжение романного времени ни Сипягин, ни Калломейцев не ездят за границу... но это не мешает им разыгрывать роли то парижан, то англичан»⁶. Западноевропейская ориентация, которую не трудно увидеть в стиле одежды, манерах и речи Сипягиных, высвечивает антинациональную сущность высших сфер русского общества.

Но в романе Тургенева конфликт развивается не только между разночинцами и представителями правящей партии. Конфликт назревает и в среде народников, возникая благодаря Нежданову, его стремлению не слепо действовать, а дойти до сути, понять истинные потребности и возможности самого народа. Нежданову кажутся странными не только разговоры Маркелова «о необходимости безотлагательного действия», но и утверждение существования «дельных людей» «среди окрестных мужиков, фабричных», «как, например, голоплёцкий Еремей, – которые сию минуту пойдут на что угодно» [195]. Наблюдения Нежданова, тоже жаждущего «действовать», убеждают его в том, что революционный момент еще не наступил, потому что «в обществе нет сочувствия, в народе нет сознания...» [253]. Герой открыто говорит «о вреде поспешности», считая, что прежде необходимо изучить «обстоятельства» и «узнать, чего собственно хочет народ» [196].

Реальность действительности подтвердила правоту Нежданова и незрелость устремлений Маркелова: бунтовавший мужиков Маркелов был сдан самими крестьянами в полицейский участок. Вопрос: «Стало быть, все, о чем хлопотал Маркелов, все было не то, не так? И Кисляков врал, и Василий Николаевич приказывал пустяки, и все эти статьи, книги, сочинения социалистов, мыслителей, каждая буква которых являлась ему чем-то несомненным и несокрушимым, все это – пух? Неужели? И это прекрасное сравнение назревшего вереда, ожидавшего удара ланцета, – тоже фраза?» – задает не революционер, а сам автор (о чем свидетельствует построение начала фразы). Мысли Маркелова включены в авторскую речь в виде прямых цитат: «... нет, то всё правда, всё... а это я виноват, я не сумел... не так принялся! Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать стал или упираться – пулю ему в лоб! Тут разбирать нечего. Кто не с нами, тот права жить не имеет...» [363]. Взгляды Маркелова, сторонника насильственных общественных преобразований, остаются неизменными. Автор видит опасность заражения таких героев радикальными идеями: «... человек искренний, прямой, натура страстная и несчаст-

⁶ Фирсова А.А. О пространственно-временной организации романа И.С. Тургенева «Новь» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 10. С. 150.

ная, он мог... оказаться безжалостным, кровожадным, заслужить название изверга – и мог также пожертвовать собою, без колебаний и без возврата» [194].

В «Нови» Тургенев не отступает и от своей традиции усложнения романного конфликта сюжетной линией взаимоотношений героя и героини. Г.Б. Курляндская обращает внимание на тот факт, что первый «душевный контакт» Нежданова и Марианны, установившийся в момент спора Сипягина с Каломейцевым о «возможности мужицкой расправы», происходит «в форме внесловесной эмоциональной экспрессии»⁷. «Внешние знаки» «словесно еще не выраженной духовной близости» будут проявлены и во второй встрече молодых людей посредством «мимического языка»⁸, когда Нежданов, «заглянув... в глаза» Марианны, «снова убедился, что будет с ней как товарищ, хотя она не только не улыбнулась ему, но даже нахмурила брови» [176]. Источником «внутреннего душевного соприкосновения»⁹ Нежданова и Марианны становится не их «личное чувство» [222], а то обстоятельство, что «вывихнута она так же, как» и Нежданов [183]. Марианна скажет: «Но ваше положение и мое – очень схожи. Мы оба одинаково несчастливы; вот что нас связывает» [208]. «Идеальная поэтическая любовь Марианны и Нежданова выросла на почве идейных сочувствий: их объединяет история личных несчастий, но главное – ненависть к сипягинской действительности... желание разделить судьбу ссыльных, загнанных... на Русь»¹⁰.

Начало конфликта героя и героини обозначено в сцене беседы в березовой роще. Глаголы, описывающие движение мятущейся природы («пачки ветвей качались, метались», «облака неслись быстро и высоко», то закрывая, то открывая солнце [265]), передают переживания взволнованного страстью сердца Нежданова. Но ответного чувства в сердце Марианны он не находит. Бесконечные вопросы девушки о скорой революции и нежелание отвечать на них Нежданова, не верящего в успех революции, закладывают основу будущей драмы героев.

Заложенный в начале романа социально-психологический конфликт между молодыми людьми проявится также в диалоге между Соломиным и Неждановым. Нежданов охарактеризует Марианну как девушку, которая «разделяет наши убеждения и готова идти на все»,

⁷ Курляндская Г.Б. Метод и стиль Тургенева-романиста. Тула : Приокск. книжн. изд-во, 1967. С. 176.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 177.

¹⁰ Там же. С. 122.

но вопрос Соломина о готовности самого Нежданова останется без ответа [289]. Не найдет ответ Нежданов и на вопрос Соломина о причине скорого бегства из дома Сипягиных, за него ответит Марианна, которая верит, что «революция сейчас вспыхнет» [290]. Наконец, несовпадение идеологических позиций героя и героини демонстрирует несоответствие внешних реплик и размышлений «про себя» Нежданова. На просьбу Марианны отправить молодых людей «в народ» он вспоминает слова Паклина «До лясу». Вслух заявляя о готовности служить народу, Нежданов думает про себя: «Джаггернаут... другое слово Паклина. – Вот она катится, громадная колесница... и я слышу треск и грохот ее колес» [291]. Об отсутствии идейного единства «влюбленных» свидетельствует и письмо Нежданова другу Силину: «Мы с Марианной не ищем счастья; не наслаждаться мы хотим, а бороться вдвоем, рядом, поддерживая друг друга. Наша цель нам ясна; но какие пути ведут к ней – мы не знаем». Но Нежданов лукавит: путь, избранный Марианной, вызывает его неприятие: «... мне тяжело... Сомнение меня мучит...» [301].

Кульминационным моментом в развитии конфликта Марианны и Нежданова станет отказ героя, как честного человека, любить ее «той любовью... которая дает право на жизнь другого» [311]. Изменения в представлении Марианны об идее самопожертвования вносит Соломин: «Не баррикады же строить со знаменем наверху – да: ура! за республику!»; «По-моему, шелудивому мальчику волосы расчесать – жертва. <...> Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать кур... А там, кто знает, может быть, спасете отечество!» [320-321]. Размышлениям тургеневского героя созвучна идея развития культурных навыков в народе, теория «малых дел» Н.С. Лескова, которую он противопоставлял идее революции и радикального переустройства общества. Спустя некоторое время Нежданов с доброй завистью напишет другу: «Марианна... и теперь вся поглощена своей деятельностью, в которую верит... А я!» [325]. Молодые люди начинают неизбежно отдаляться друг от друга, так как Нежданов не верит ни в революцию, ни в теорию добрых дел и понимает, что Марианна уже не «покорялась» ему, а только «жалела», он «внезапно залился слезами» [347]. «Ее тело... теперь я чувствую: оно тихо и, быть может, против ее воли бежит от меня прочь!» – подумает про себя Нежданов. «И точно: Марианна чуть заметно отодвинулась назад» [348].

Развязкой конфликта становится диалог молодых людей накануне самоубийства Нежданова: герой уже не «про себя», а открыто говорит о неверии «больше в то дело, которое» их «соединило», но Марианна по-прежнему клянется посвятить «делу» « всю свою жизнь» [371].

Романный конфликт нашел свое выражение и в линии Нежданов – Соломин. У этих героев много общего, оба отвергают революционный путь развития. Соломин «не верил в близость революции в России», потому что понимал «невольное отсутствие этого самого народа, без которого “ничего ты не поделаешь” и которого долго готовить надо». Он не принимает способ пробуждения народа, предлагаемый революционерами: «... не так и не тому, как *те*» [225]. К этой же мысли приходит и Нежданов: «Да, наш народ спит... Но мне сдается, если кто его разбудит – это будет не то, что *мы* думаем...» [329]. Но Нежданов сознает, что «иные... слова» Соломина «даже как будто шли вразрез с убеждениями его, Нежданова...» [267]. Действительно, они идут к одной цели разными путями. Один пытается вести пропаганду среди народных масс, другой запрещает ему распространять свои «книжки»: «раздавай их кому хочешь, – только в фабрике – ни-ни! <...> ты испортить можешь» [318]. Соломин избрал другой, тоже нелегкий путь: «...мы школу завели и больницу маленькую» [226-227]. Но позиция Соломина остается до конца не проявленной автором: с одной стороны, он противник радикальных преобразований, сторонник постепенного усовершенствования действительности, с другой – свободно пребывает в среде революционеров в качестве их единомышленника. Идеологическая неясность образа неоднократно ставила в тупик тургеневедов: «Что за странные оговорки – возбуждайте, мол, народ к просвещению всюду, кроме только той фабрики, где он сам возглавляет производство?»¹¹. Нежданов не доверяет Соломину и уже при первом знакомстве задается вопросом: «...этот Маркелов, этот Соломин, которого он знает еще мало, но к которому чувствует такое влечение, – разве они не отличные образчики русской сути, русской жизни – и знакомство, близость с ними не есть ли также счастье?» Но вместо ответа в его душе пробуждается «ноющее чувство», «грусть» [233].

Советские литературоведы неоднократно упрекали тургеневского Нежданова в слабости: гамлетовская натура мешает ему «принять правду внутреннего голоса, то есть критическое отношение к избранной тактике», и вынуждает «вместо трезвого искания новых форм борьбы» отдалиться «позорному наслаждению самобичевания»¹²; «по замыслу Тургенева, перед бунтарем Неждановым была предугадываемая самая жизнь возможность выбора иного пути (путь постепен-

¹¹ Чичерин А.В. «Во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины...» // Тургенев И.С. Дым. Новь. Вечные воды. Стихотворения в прозе. М.: Худож. лит., 1981. С. 15.

¹² Курляндская Г.Б. Метод и стиль Тургенева-романиста. С. 190.

ца снизу Соломина), но он этой возможностью не воспользовался...»¹³. Но, на наш взгляд, у Нежданова были свои причины отвергнуть путь, выбранный Соломиным. Соломин – механик: еще в юности он «бросил семинарию, стал заниматься математикой и особенно пристрастился к механике» [226], на фабрике он чувствует себя «как дома», «ему тут все известно и знакомо до последней мелочи...» [278]. По наблюдениям Нежданова, у Василия «характер такой, что иголки не подпустишь» [328]. Фимушка называет его человеком «прохладным», «постоянным» [248]. Соломин, вероятно, воспринимает мир как единый механизм, где люди не субъект, а лишь один из объектов огромного производства. И жизнь самого героя уподобляется движению механизма: «Соломин, натащив на себя свой замасленный серый рабочий пиджак, отправился на фабрику – и завертелась опять его жизнь, как большое маховое колесо» [272]. Рабочие уважают его не за человеческие качества, а за знания: «... они уважали его как старшего и обходились с ним, как с равным, как со своим; только уж очень он был знающ в их глазах!», «Английский мануфактурист» тоже был «поражен его сведениями» [271]. Умный, образованный Соломин понимает ненормальность современного устройства общества и пытается по мере своих сил сделать его лучше, но не из любви к людям, а из понимания необходимости обновления. Поэтому Нежданов и не почувствовал красоты в слаженной работе фабрики, потому что «в уголку под забором сидит мальчик лет четырех... весь выпачканный в саже... и безнадежно плачет, словно оставленный целым миром...» [223].

Именно Соломин пройдет мимо страдающего Нежданова, не попытавшись спасти его: и Марианна, поднимающаяся по лестнице после прощания с Неждановым, и догнавший ее Соломин, оба они намеревались что-то сказать друг другу «насчет Нежданова», но «он промолчал» и «она промолчала тоже» [374]. Автор лишь холодно заметит: «Марианна принадлежала к особенному разряду несчастных существ (в России они стали попадаться довольно часто)... Справедливость удовлетворяет, но не радует их, а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущает их до дна души» [209-210]. Увлеченная идеей всеобщего спасения, Марианна ищет торжества справедливости, а не закона любви. Примечательно и другое упоминание автора: некогда Марианна, по ее собственным словам, «рвалась» к отправленному в Сибирь отцу, но не потому, что «очень любила или уважала» его, а потому что ей «так хотелось изведать самой, посмотреть собственными глазами, как живут ссыльные...» [212].

¹³ *Батото А.И.* Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972. С. 93.

Но главным конфликтом, определяющим движение сюжета тургеневского романа, становится внутренний конфликт Нежданова. Внутреннее неразрешимое противоречие выражается в состоянии скуки и раздражительности героя: Паклин замечает «нервное состояние» друга, автор обращает внимание на «неудовольствие и досаду», «раздражение» и «тоску» героя [141-142], лицо его кажется «злым» и т.п. Чувство безысходности приводит героя к крайнему эмоциональному напряжению: «Так что ж, по-твоему, делать? – повторил чуть не с криком Нежданов» [153]. Внешние события, поездка в имение Сипягиных, не спасают героя от мучительных переживаний: «... что-то горькое, не то скука, не то злость, тайно забралось в самую глубь его существа... а сердце все ныло!» [171]; «Томно что-то на душе» [176]. «Усталость», поселившаяся в душе, станет постоянным его спутником [199].

Почвой для укоренения внутреннего разлада Нежданова становится и его социальное положение. Будучи незаконнорожденным сыном генерал-адъютанта и гувернантки, Нежданов по воле отца получил прекрасное воспитание и образование, но в аристократическую семью допущен не был, остался изгоем. Нежданов откровенно признавался в письме другу Силину: «... как я проклинаю... все это наследие моего аристократического отца! Какое право имел он втолкнуть меня в жизнь, снабдив меня органами, которые несвойственны среде, в которой я должен вращаться? <...> Эстетика – да в грязь!» [326].

Нежданов оказался между двумя культурами, дворянской и разnochинной, и не принадлежал полностью ни одной из них. «Фальшивое положение» незаконнорожденного становится причиной внутреннего «нездоровья» героя, развития конфликта между выбранной им ролью революционера и поэтом-идеалистом, романтиком, коим он является на самом деле. Как передовой человек своего времени, умный, образованный Нежданов, осознавший несовершенство общественного устройства, жаждет деятельности: «Он был недоволен собою, своей деятельностью, то есть своим бездействием...» [214]. «Жажда жертвы за идею и человечество», осознание долга перед народом, который «теоретическая концепция народничества» возводила в «этическую норму»¹⁴, определили выбор молодого человека – путь в революцию. Но облик реального революционера не совпал с представлениями о нем Нежданова. Романтик Нежданов «видит явления действительности живущими той жизнью, которую им “придает” субъект, или он

¹⁴ *Пермякова О.Е.* Мотивы романа С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» в контексте русской литературы 1870-1890-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2008. С. 13.

создает представления о мире в соответствии со своим душевным состоянием и идеалом»¹⁵. Поэтому он вынужден надевать на себя маску «циничного и грубого на словах человека», занимающегося «политическими и социальными вопросами», чтобы скрывать робость, нежное сердце и тайне наслаждаться «художеством, поэзией и красотой» [155-156].

Вопрос, который беспокоит молодого революционера, – вопрос о жертве, возникает в его рефлектирующем сознании не случайно. Он завидует Остродумову, потому что «он собой пожертвовать сумеет – и, если нужно, на смерть пойдет, чего мы с тобой никогда не сделаем» [154]. «Разве я тоже не сумею собой пожертвовать?» – задает он себе вопрос. Незаконченный ответ («Погодите, господа... И ты, Паклин, убедишься со временем, что я, хоть и эстетик, хоть и пишу стихи...»), жесты («сердито вскинул волосы рукою, скрипнул зубами и, торопливо сдернув... одежду, бросился в... постель») выражают его сомнения [198]. Причина сомнения Нежданова не страх собственной смерти. О смерти он даже мечтает: «Право, мне кажется, что если бы где-нибудь теперь происходила народная война – я бы отправился туда не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было (освобождать других, когда свои несвободны!), но чтобы покончить с собою...» [328]. Но жертва связана с пролитием не только своей, но и чужой крови. Нежданов заставляет себя поверить в народническую идею, стараясь не замечать очевидных фактов (отсутствие единства народников, отсутствие понимания с народом). Неразрешимость нравственно-психологического конфликта приводит Нежданова к осознанию тупиковости ситуации: «то, что надо делать, к чему надо стремиться, – неизвестно где, недоступно, за десятью замками, зарыто в преисподнюю...» [262].

Постепенно герой приходит к горькому и болезненному пониманию своей неспособности быть героем: «...оказывается, что вся суть не в убеждениях, а в характере» [328]. Нежданову быть настоящим революционером, по его признанию, мешает «наследие... аристократического отца»: «нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость» – одним словом, «хорошее воспитание», культура [326]. Герой проходит путь «от неверия в себя, в свою способность быть полезным общему делу вследствие особенностей своего происхождения, воспитания и характера – к полному неверию в само дело»¹⁶. В отчаянном

¹⁵ *Гражис П.И.* Тургенев и романтизм. О сочетании реалистического и романтического образного отражения. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1966. С. 4-5.

¹⁶ *Буданова Н.Ф.* Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. С. 38.

бессилии он восклицает: «... да где веры-то взять, веры!!» [326]. В правильность выбранного пути ему мешает поверить и пьянство, беспросветная темнота, невежество народа. На разных языках говорят Нежданов и Татьяна. Для нее «опроститься» – «с простым народом заодно быть», «народ поучить уму-разуму» [306]. Для него «опроститься» – «пить водку» вместе с народом в кабаках [323]. «Высшие достижения» европейской «духовности» не позволяют Нежданову вступить в открытый диалог с миром, ни со «своими», ни с «чужими», ни с народом, поэтому все свои сомнения он доверяет только самому себе и сам ищет ответы на непростые вопросы.

В основе внутреннего конфликта Нежданова лежит нравственно-психологическое противоречие между гуманистической сущностью главного героя и антигуманной сущностью революционной борьбы. Кульминационный момент внутреннего конфликта Нежданова – последний диалог с Марианной, в котором герой открыто заявляет о своем неверии в дело, отвергая насильственный путь переустройства общества революционеров-народников, – быстро сменяется развязкой – самоубийством.

Таким образом, усложнение романной структуры «Нови» (в сравнении с предшествующими романами писателя) просматривается в широте социально-бытового фона, разветвленной системе действующих лиц, соотносённости нескольких сюжетных линий и уровней конфликтов (между представителями государственной идеологии и народниками, внутри народнической среды, между народниками и народом, внутренний конфликт Нежданова). Централизованная роль отводится Нежданову и Соломину, с которыми пересекаются линии всех героев романа. Сюжетная линия Нежданова завершается гибелью героя, а линия Соломина и Марианны – открытым финалом. Движение романного сюжета в большей степени определяет внутренний конфликт, неразрешимое противоречие Нежданова. Причину хаоса современной жизни автор видит в утрате человеком связи с главным законом бытия – законом любви, хранящим «ту общую, бесконечную гармонию, в которой... всё, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения – и все жизни сливаются в одну мировую жизнь...»¹⁷.

¹⁷ Тургенев И.С. Записки ружейного охотника оренбургской губернии. С. А-ва. Москва. 1852. (Письмо к одному из издателей «Современника») // Тургенев И.С. Собр. соч. : в 28 т. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. 5: Сочинения. С. 415-416.